

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164900-916>

Алибеков Хизри Гаджиевич
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
alibekovkhizri@gmail.com

«СВЕТИЛЬНИКИ МУСЛИМА ДЛЯ ГОРЦЕВ МУСУЛЬМАН» – СОЧИНЕНИЕ МУСЛИМА АЛ-УРАДИ О «МУХАДЖИРСТВЕ»

Аннотация: Во второй половине XIX в. на Кавказе широко распространилось такое явление, как «мухаджирство» – массовое переселение кавказцев в Османскую империю. Оно вызвало полемику среди мусульманских богословов на Кавказе. Разделившись на сторонников и противников «мухаджирства», богословы отразили свои позиции в письменных трудах. Среди таких богословов был Муслим ал-Уради (ум. в 1919 г.), осветивший данное явление в своем сочинении «Светильники Муслима для горцев мусульман». В сочинении приведены позиции обеих сторон, что позволяет нам подробнее ознакомиться с их взглядами на общественно-политическую ситуацию того времени и видением ими «своего места» в новой, измененной реальности. Муслим ал-Уради доказывает, что дагестанцам нет необходимости переселяться в другие места и что «мухаджирство» может негативно отразиться на религиозной жизни мусульман Дагестана.

Автор сочинения также рассматривает некоторые нюансы, связанные с пребыванием мусульман под властью иноверцев, разъясняет основные правила взаимоотношения между ними. Муслим ал-Уради склонен считать, что мусульмане Дагестана вполне могут жить с иноверцами в мире и спокойствии, быть законопослушными налогоплательщиками и при этом оставаться благочестивыми мусульманами, верными своей религии.

Данная статья посвящена источниковедческому анализу произведения Муслима ал-Уради. Анализ данного произведения позволяет нам установить, что разная популярность «мухаджирства» в Российской Империи не в последнюю очередь была обусловлена различием взглядов ханафитской и шафиитской богословско-правовых школ на переселение мусульман из территорий, попавших под власть немусульманских стран.

Ключевые слова: мухаджирство; хиджра; джихад; дар ал-куфр; дар ал-ислам; такийя.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164900-916>

Khizri G. Alibekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
alibekovkhizri@gmail.com

“MUSLIM’S LUMINAIRES FOR MUSLIM MOUNTAINEERS” – THE WORK OF MUSLIM AL-URADI ON “MUHAJIRISM”

Abstract. The second half of the 19th century in the Caucasus marked the emergence of such a phenomenon as “muhajirism” – mass migration of Caucasians to the Ottoman Empire. This caused debates among Muslim theologians in the Caucasus. Having divided into supporters and opponents of “muhajirism”, theologians reflected their positions in written works. Among those theologians was Muslim al-Uradi (died in 1919), who described the said phenomenon in his work “Muslim’s luminaires for Muslim mountaineers”. The work provides positions of the both parties which allow us to thoroughly examine their views on social-political situation of that time and their considerations of “their place” in the new, changed reality. Muslim al-Uradi argues that there is no need for Dagestanis to move to other places and that “muhajirism” may affect negatively the religious life of Muslims of Dagestan.

The author also considers some details related to the stay of Muslims under infidels’ authority, explains the basic rules of their interactions. Muslim al-Uradi tends to believe that Muslims of Dagestan can well live with non-believers in peace, be law-abiding tax-payers and at the same time remain true to their religion.

The present article is devoted to the source-study analysis of the work by Muslim al-Uradi. The analysis of the said work allows to establish that the controversial popularity of “muhajirism” in the Russian Empire was not least due to the difference in views of the Hanafi and Shafi’i theological and legal schools on the resettlement of Muslims from territories that fell under the rule of non-Muslim countries.

Keywords: muhajirism; Hijra; jihad; dar al-kufr; dar al-islam; taqiya.

Вторая половина XIX в. характеризуется на Кавказе массовой миграцией кавказских народов в мусульманские страны, получившей известность, как «мухаджирство». Не смирившись с колониальной экспансией Российской Империи, представители покоренных мусульманских народов стали переселяться в Османскую Империю и на Ближний Восток. Царское правительство, как правило, не препятствовало данному явлению, полагая, что опустошение кавказских земель ускорит колонизацию завоеванных территорий.

В связи с этим, среди мусульман Кавказа возникла полемика о необходимости переселения в мусульманские земли, которая не утихала даже после падения Османской империи. В ней, прежде всего, участвовали мусульманские богословы, разделившиеся на два лагеря: сторонников переселения, большая часть которых перебралась в Османскую Империю¹, и противников, подавляющее большинство которых призывали мусульман не покидать свою родину.

«Мухаджирство» как явление связано с понятием «хиджра» – термином в исламском богословии, обозначающим известное переселение пророка Мухаммада из Мекки в Медину. Впоследствии, в исламской юриспруденции им стали называть переселение мусульман из «дар ал-куфр»² или «дар ал-ислам»³, но находящееся под оккупацией неверных, в земли, находящиеся под властью мусульман. Также этим термином именуют переселение мусульман из мусульманских земель, где распространились грехи в другие мусульманские земли, где строже соблюдаются каноны ислама⁴. Кроме того, в суфизме термин «хиджра» часто используют для выражения отказа от грешных поступков и пороков и обращения к праведным и похвальным делам. Участники полемики оставили несколько специальных сочинений, в которых отстаивали свои позиции.

Одним из богословов, написавших специальный трактат на эту тему, был ученый-богослов, кадий Муслим (ум. в 1919 г.) из гидатлинского селения Ура-

1 Как пишет Бобровников В.О.: «На мусульман Дагестана и Чечни большее влияние оказали письма с призывами к переселению, которые распространяли в 1860–1880-е гг. участники *джихада* времен Кавказской войны и восстания 1877 г. Ученик уехавшего в Стамбул Джамаладдина Казикумухского, известный накшбандийский шейх Абд ар-Рахман из Согратля написал в конце 1870-х гг. на арабском языке сочинение о хиджре. По мнению шейха, когда мусульманские земли попадают под власть немусульманских правителей, а правоверные уже не могут выполнять свои религиозные обязанности и нет надежды восстановить права ислама при помощи *газавата*, каждый мусульманин обязан покинуть территорию, ставшую дар ал-харб, и переселиться на территорию, где господствуют законы ислама. <...> Такие воззрения разделял и упомянутый выше кикунинский шейх, ученик Абд ар-Рахмана из Согратля» [1, с. 72].

2 «Земля неверия» или «территория неверных» (دار الكفر) – термин в исламском праве, используемый для обозначения территорий, находящихся под властью не мусульман. Данному термину синонимичен и другой термин в исламском праве – «дар ал-харб» (دار الحرب) т.е. «земля войны».

3 «Земля ислама» или «территория ислама» (دار الإسلام) – термин в исламском праве, используемый для обозначения территорий, находящихся под властью мусульманских правителей.

4 Именно под таким предлогом в свое время крупный дагестанский богослов Мухаммад ал-Кудуки переселился в Сирию. Как пишет Назир ад-Дургили: «В конце своей жизни шейх ал-Кудуки переселился в Шамские страны (Сирия). Это случилось из-за того, что он видел, как его современники перешагнули пределы (установлений) Аллаха, они придерживались обычаев (урф) и (указаний) идолопоклонников, не придерживаясь благородного шариата. Говорят, что он порицал современников, говоря: «Что касается братьев идолопоклонников, (это те), кто не придерживается того, что ниспослал Аллах», и т.д. Поэтому он оставил свою родину» [2, с. 46].

да, которое известно в Дагестане как крупный образовательный и научный центр, и прежде всего родина двух крупных мусульманских богословов – Ибрахима-хаджи и Муртазаали. Муслим ал-Уради с 1893 по 1917 гг. проработал в различных селениях Дагестана и Азербайджана кадием и преподавателем в медресе. Он был чрезвычайно плодовитым автором. Известны двадцать шесть его трудов по самым разным направлениям: калам⁵, мусульманское вероубеждение (*акида*), исламское право (*фикх*), суфизм (*тасаввуф*), грамматика (*нахв*). Большая часть этих сочинений собрана его учениками в один большой сборник, известный как «Фатава ал-Уради».

Прежде чем коснуться основной темы, необходимо отметить, что Муслим ал-Уради придерживался довольно свободных взглядов в своих религиозных воззрениях. При этом его никак нельзя назвать сторонником мусульманского реформаторства или «джадидизма», которые в начале XX в. активизировали свою деятельность в Дагестане и Российской империи в целом. К примеру, в *каламе* он не разделяет мнения аш‘аритов в вопросе *касба*⁶ и склоняется к мнению мутазилитов⁷, как и другой известный дагестанский знаток калама Абдулатиф Гоцинский (ум. в 1890 г.)⁸. Здесь очевидно, влияние трудов Салиха ал-Йамани (ум. в 1697 г.). По всем другим вопросам вероубеждения Муслим твердо придерживается аш‘аритских воззрений. По другому известному полемическому вопросу в мусульманском праве о количестве *ракаатов* в *таравих-намазе* Муслим склонялся к тому, что их восемь, хотя по мнению шафиитского *мазхаба* их двадцать. В суфизме Муслим допускал совершение телесных движений и танцы во время чтения *зикра*. У него есть отдельное, довольно объемное сочинение – «Ал-Бадр ал-мунир ли ар-ракис би аз-зикр мин суфийати аз-заман ал-ахир» («Светящаяся луна для танцующего под зикр из суфиев последнего времени»). И это при всем том, что Муслим являлся мюридом шейха Хасана ал-Кахи (ум. 1937), известного противника любых телодвижений при чтении *зикра*, а до него мюридом Джабраиля афанди, также шейха из плеяды халидийя-махмудийя.

Исследуемый нами труд – «Ал-Масабих ал-муслимийа ли ахли ал-ислям ал-джабалийа» («Светильники Муслима для горцев мусульман») – был

5 *Калам* – спекулятивная дисциплина, дающая догматам ислама толкование, основанное на разуме, а не на следовании религиозным авторитетам [3, с. 128-129].

6 *Касб* (араб. كسب – приобретение, присвоение) – исламский термин, обозначающий религиозно-этическую концепцию, согласно которой в осуществлении человеческих действий участвуют два «действителя» (*фа‘илан*) – Бог, который их творит, и человек, который их «присваивает» [3, с. 134].

7 *Мутазилиты* (араб. Му‘тазила «отделившиеся») – представители первого направления классической арабо-мусульманской философии [4, с. 81].

8 Абдулатиф Гоцинский в своем трактате «Аромат амбры в вопросе касба шейха ал-Аш‘ари» («Ат-Тибб ал-‘анбари фи касб аш-шайх ал-Аш‘ари») несколько осторожно говорит о своем предпочтении мнения мутазилитов в данном вопросе. Суть этого мнения заключалось в отрицании концепции *касба* и утверждении, что человек автономен в своих действиях. Муслим ал-Уради в своем сочинении «Величайший подарок Мухаммаду Али по вопросам, связанных с человеческой душой» («ат-Тухфат ал-‘алийа иля ал-хазрат ал-Мухаммад‘алийа фи ма ята‘алляк би ан-нафс ал-инсанийа») сообщает, что мнение мутазилитов посчитал верным Абдулатиф Гоцинский, а «он сам склоняется к этому мнению потому что не понял позицию ал-Аш‘ари в этом вопросе, хоть тот и является великим имамом». Ксерокопии обеих рукописей хранятся в личной коллекции автора статьи.

написан им 15 числа месяца зуль-хиджа в 1322 г., что соответствует 19 февраля 1905 г. В это время Муслим работал преподавателем медресе селения Катех⁹. В нашем распоряжении имеются лишь две копии рукописи сочинения. Одна из них переписана Мухаммадом сыном Кантилава 16 рамадана 1324 г.х.¹⁰, другая – Хаджи Мухаммадом из гидатлинского селения Тлях, вероятно в 1327 г.х.¹¹ Рукописи переписаны традиционным дагестанским почерком насх, на российской фабричной бумаге.

Муслим начинает свое сочинение с традиционного предисловия, где среди прочего пишет:

فلما رأى هذا الفقير مسلم العرادي رحمه الرب الهادي اضطراب أكثر الناس في حق الهجرة من ديار هؤلاء الفجرة إلى ديار سلطان الإسلام أيد الله سلطنته بحرمة سيد الأنام متعللين بكثرة الخراج وظلم الفجار وغلبة العصيان حتى من الكبار وكثرة اختلاف العلماء الأعيان في حق وجوبها بتلك الأسباب في هذا الزمان كتب هذه الرسالة مشتملة على مقدمة وأربع مقاصد وخاتمة لتكون تبصرة لأولي الأبصار وتحفة لمن كان تحت اختيار الكفار، وسميتها بالمصابيح المسلمية لأهل الإسلام الجبلية راجياً من الله أن يجعلها كالمصابيح لهم في الانتفاع بها والاستناد بما فيها عند الاحتياج إليها.

«Когда этот бедняга Муслим ал-Уради, да смилуется над ним Господь, Наставляющий на истинный путь, заметил сомнения большинства людей относительно переселения из земель этих нечестивцев в земли султана мусульман, да укрепит Аллах его власть из уважения к господину людей, оправдываемого высокими налогами, притеснением и распространением греха даже от уважаемых людей. А также из-за частых разногласий выдающихся богословов по поводу обязательности переселения в подобных случаях, он написал это послание, которое содержит предисловие, четыре главы (дословно «цели» («макасид.» – прим. Х. А.) и заключение. Муслим составил это послание дабы оно было прозрением для разумеющих и подарком для тех, кто под волю неверных. Я (Муслим) назвал его «Светильники Муслима для горцев мусульман», надеясь, что Аллах сделает его чем-то вроде светильника для них, дабы они могли извлекать из него пользу и опираться на него при возникновении нужды».

Следует отметить, что только лишь первые две главы имеют прямое отношение к заданной теме, третья и четвертая главы – лишь опосредованное отношение, как это далее будет изложено.

Предисловие книги посвящено разъяснению преимущества переселения, вознаграждения, получаемого за это, а также пояснению видов хиджры. Автор начинает предисловие с приведения большого числа аятов Корана, касающихся данной темы. Затем он приводит хадисы пророка Мухаммада и высказывания его сподвижников. Среди прочего заявляется, что хиджра бывает трех видов: 1) переселение верующих в начале истории ислама из Мекки в Медину;

⁹ Ныне в составе Белоканского района Республики Азербайджан.

¹⁰ 2 ноября 1906 г.

¹¹ Начался 22 января 1909 г.

2) выступление сподвижников с пророком Мухаммадом для участия в военных и миссионерских походах; 3) Оставление правоверными того, что запретил Аллах. В начале автор приводит весьма расплывчатые определения *хиджры* из толкований к Корану, но в конце предисловия приводит и другое определение этого термина:

وسياتي عن الشبرخيتي وابن حجر أن الهجرة في اللغة الترك وشرعاً مفارقة دار الكفر إلى دار الإسلام خوف الفتنة وطلب إقامة الدين

«Далее мы приведем цитаты [Ибрахима] аш-Шабрахити и Ибн Хаджара о том, что хиджра в лексическом значении означает оставление, расставание, а в шариатской терминологии – переселение из земель неверных в земли мусульман, боясь смуты и стремясь получить возможность полного соблюдения религиозных предписаний».

Первая глава книги посвящена изложению мнений сторонников обязательности переселения мусульман из Дагестана в Османскую Империю. Автор вначале приводит многочисленные цитаты из толкований к Корану о недопустимости нахождения мусульман под властью неверных. Затем дополняет тему высказываниями мусульманских правоведов, в цитатах которых также сообщается о недопустимости проживания в немусульманских странах. При этом отмечается, что в этих странах невозможно полноценно соблюдать религиозные нормы, поэтому *хиджра* из такого места становится обязательной.

Среди прочего автор приводит и цитату из книги «Мулзамат ал-хиджра мин дар ал-фаджара» («Обязательность переселения из земель нечестивцев») принадлежащей его сельчанину и известному богослову Муртазаали ал-Уради [5, с. 65–66]. В ней сообщается, что неверные запрещают мусульманам свободное исполнение шариатских наказаний за прелюбодеяние, воровство, клевету, разбой и распитие алкоголя, а также запрещают и другие формы наказания. И что они также вводят запрет на ношение никаба, чалмы и собрания суфиев для чтения зикра, казнь вероотступника, джихад с неверными и прочее. Общее количество религиозных предписаний, запрещаемых в Царской России, по словам Муртазаали, доходит до ста. Данная цитата Муртазаали ал-Уради о положении мусульман в Дагестане была довольно распространена среди богословов, и по поводу ее обоснованности часто велись прения.

Однако, следует отметить, что данная книга Муртазаали ал-Уради была написана во время существования Имамата. И очевидно, она была направлена на то, чтобы убедить мусульман Дагестана переселиться на территорию Имамата. Уже после окончания Кавказской войны Муртазаали поменял свою позицию в отношении России и был противником обязательности *хиджры* для мусульман. Муртазаали не только смог адаптироваться в новой реальности¹², но и имел

¹² В 1860–65 гг. он являлся депутатом Дагестанского народного суда в Темир-хан-шуре, созданного местными властями Российской Империи [5, с. 83–84].

довольно критическое отношение к арабским богословам на тот период¹³. Однако, его книга все еще пользовалась популярностью у дагестанских сторонников переселения в Османскую империю. Поэтому, когда в числе сторонников переселения упоминают этого крупного правоведа, «верховного кадия» Имамата, следует помнить, что речь идет о «раннем» Муртазаали ал-Уради.

Вторая глава приводит мнения противников обязательности переселения мусульман из Дагестана в Османскую Империю, также в этой главе приводятся ответы на высказывания ученых, приведенных в первой главе. Очевидно, что автор разделяет мнение второй группы богословов, и второй главе отведено гораздо больше места в книге, чем первой. Также здесь он обосновывает нецелесообразность *хиджры* для дагестанцев в сложившихся условиях в начале XX в.

Муслим начинает главу с цитирования фрагмента книги «Шарх ал-Мафруз» Мухаммада Тахира ал-Карахи. Это известный фрагмент книги, в которой Мухаммад Тахир выражает свое мнение о необязательности совершения *хиджры* мусульманам Дагестана, отмечая при этом, что оно согласуется и с мнением самого имама Шамиля.

Далее в книге приводится множество цитат из книг по *фикху*, в которых утверждается, что если на оккупированных неверными землях в пребывании мусульман есть некая польза (*маслах*), то совершение *хиджры* считается не обязательным, а в некоторых случаях может быть даже запретным. Это может быть в том случае если из-за *хиджры дар ал-ислам* превратится в *дар ал-куфр*.

Тут необходимо отметить разные интерпретации шафиитской и ханафитской правовых школ категорий этих земель. Дело в том, что согласно шафиитской богословско-правовой школе, регион, единожды оказавшийся под властью мусульман, и где были установлены исламские законы, больше не может считаться «землей неверия», даже если неверные вновь вернут ее себе и установят в этом регионе свою власть. Таким образом, подобный регион может считаться «землей войны» (*дар ал-харб*) лишь формально, но в шариатском понимании будет считаться «землей ислама». Несмотря на то, что по шафиитскому мазхабу мусульманам предписано покинуть оккупированный регион и переселиться в другие исламские земли, все же сохранение за оккупированными землями статуса *дар ал-ислам* давало повод многим богословам, непосредственно столкнувшимся с такой проблемой, оспаривать необходимость переселения. Согласно их позиции, покидать такую территорию и давать возможность иноверцам установить там свою власть являлось запретным и дозволялось, только если у мусульман нет возможности свободного исполнения своих религиозных предписаний.

В то же время по богословско-правовой школе ханафитов, мусульманский

¹³ Так Шуайб ал-Багини пишет: «Ученый Муртазаали отправил вопросы по мусульманскому праву через Нурмухаммада ал-Уради, шедшего в хадж, к шейх ал-Исламу Египта Ибрахиму Сака. Он получил ответы, но ознакомившись с ними заплакал, сказав: «Давайте поплачем над исчезновением науки и уменьшения шариатских знаний. Клянусь Аллахом, большая часть этих ответов слабые и необоснованные» [6, с. 462].

регион, оказавшийся под властью неверных, превращается в *землю войны* (*дар ал-харб*). Тем не менее, ханафитские *факихи* допускают пребывание мусульман в *дар ал-куфр*, а такое понятие как *хиджра* из *дар ал-куфр* многие ханафиты и вовсе отказывались признавать. Более того, согласно позиции ханафитов, если неверные на оккупированных ими землях назначат кадиев среди мусульман, которые будут заниматься судопроизводством на основе шариата, то такая земля вновь обретает статус *дар ал-ислам*.

Этим можно объяснить почему в ханафитских регионах (Татарстан, Башкирия), попавших под власть немусульман, не стоял вопрос о переселении, в то время как в шафиитских регионах (Дагестан, Чечня) этот вопрос остро обсуждался.

Однако остается открытым вопрос о причинах такой массовой популярности мухаджирства на Западном Кавказе, где мусульманское население преимущественно придерживалась ханафитского мазхаба. Такая популярность *хиджры* в традиционном мусульманском обществе возможна, лишь если богословы активно агитировали бы и пропагандировали ее. Таким образом возникает вопрос: чем руководствовались богословы Западного Кавказа? Опирались ли они на мнения шафиитских *факихов* или придерживались позиции отдельных ханафитских *факихов*, которые призывали к совершению *хиджры*, если неверные оккупируют мусульманские земли? Среди таких богословов можно отметить османского кадия XVI в. Мухаммада бин Мустафу ал-Куджави, более известного как Шейх-Задах из Стамбула. Труды Шейх-Задаха были весьма популярны на Кавказе, а его мнение на счет *хиджры* приводили в качестве аргумента сторонники мухаджирства в Дагестане. Ввиду скудости источников по литературе мусульманских богословов Западного Кавказа нам пока не представляется возможным определенно ответить на этот вопрос.

Черкесский богослов конца XIX – начала XX в. Нух афанди ал-Мартуки в своем сочинении «Нур ал-макабис фи таварих ал-чаракис» («Свет светильников по истории черкесов») отмечает, что после окончания Кавказской войны черкесы стали массово переселяться в Османскую империю, «чтобы защитить свою религию ислам от смуты неверных». Несмотря на то, что мухаджиры испытывали огромные трудности, иногда, по его словам, они доходили до каннибализма, а черкесы, оставшиеся на своей родине имели все возможности для свободного исполнения религиозных предписаний, черкесы «все равно не прекращали совершать хиджру, из-за боязни смуты неверных в отношении их религии» [7, с. 60–61]. Очевидно, что на Западном Кавказе действовала мощная пропаганда мухаджирства, зачастую искажавшая в глазах населения реальное отношение Царской власти к покоренным народам Кавказа.

Опасения шафиитов, что из-за переселения мусульман их территория может впоследствии полностью христианизироваться, вынуждали некоторых шафиитов выносить фетву против обязательного переселения. Эти же опасения озвучивает и автор книги:

فلو سلم وجوب الهجرة علينا والحالة هذه وهاجرنا كلنا إلى ديار الإسلام التي لم يستول عليها الكفار وتركنا أوطاننا في أيدي الروس لصارت أراضينا كدار حرب ولتعطلت أوقاف آبائنا الأقدمين ولصارت المدارس والرباط وبيوت رب العالمين وقبور المسلمين والأولياء الأعظمين تحت أقدام خيول الروس والمنافقين ويحصل غير ذلك من المفاسد التي لا يمكن ضبطها بالأقلام كما لا يخفى على من سبر أحوال هذه الأطراف من بلاد الإسلام

«Если допустить обязательность нам переселиться, в то время как русские дают нам открыто соблюдать религию, и мы все переселимся в исламские земли, которые не оккупированы неверными, а свою родину оставим неверным, то наши земли станут подобны «земле войны», вакуфное имущество предков исчезнет, медресе, рибаты, мечети, могилы мусульман и великих святых окажутся под копытами лошадей русских и лицемеров. Произойдут иные нечестивые дела, коих невозможно здесь описать. Это не секрет для того, кто изучал историю ислама». Автор также выказывает опасения христианизации Дагестана в случае частичного переселения дагестанцев:

وأيضاً لو هاجرنا بعض الناس من هذه الديار وبقي الآخرون تحت اختيار سلطان الكفار وأحضر بعض النصارى للإسكان في مساكن المهاجرين وبنوا الكنيسة عند مسجد المسلمين وخالط بعضهم ببعض المنافقين كما هو المتواتر منهم بل الواقع فيهم حصل بذلك مفسدة غالبية على مصلحة هجرة المهاجرين

«Также если часть людей покинет эти края, а другие останутся под властью султана неверных, затем сюда придут христиане для поселения в домах переселенцев, они построят церковь рядом с мечетью и будут тесно взаимодействовать с лицемерами, что является фактом, известным о них, то в этом случае произойдут нечестивые дела, превышающие то благо, ради которого переселялись мухаджирь».

В другом месте автор особую роль в пребывании в Дагестане отводит мусульманским богословам, некоторая часть которых была авангардом переселенцев и их вдохновителями. Он пишет:

ففي إقامة علماء داغستان في ديارهم التي استولى عليها الكفار مع إمكان إظهار دينهم فيها كما مر مصلحة راجعة على مصلحة الهجرة إذ لو هاجروا كلهم لبقى الجهلاء الباقون تحت أجنحة الروس بلا أمر ولا نهى ولتعطلت أمور دينهم ومعالم شرائعهم ولو هاجروا معهم أيضاً لصار دار الإسلام على صورة دار الحرب وقد مرّ أنه يحرم تصديره كذلك

«В пребывании алимов Дагестана у себя на родине, которую оккупировали русские, и при наличии у них возможности открыто исповедовать религию, есть такая польза, которая превалирует над пользой переселения. Ведь если все алимы переселятся, невежественные люди останутся под крылом русских, никто не будет им повелевать одобряемое шариатом и запрещать порицаемое, религиозные дела и шариатские знания придут в упадок».

Еще одним доводом против переселения Муслим ал-Уради считал, что в Дагестане царская власть не препятствует открытому исполнению религиозных норм. По его словам,

ونحن أيضا معاشر الداغستانيين وإن كنا الآن تحت أجنحة سلطان الروس لكن لا يمنعوننا في هذا الزمان من إظهار ديننا كالصلوات الخمس والجمع والأعياد وسائر شعار الإسلام العظام كالأذان والإقامة والذكر مجتمعين وقرائة العلم والتدريس في المدارس والمساجد وإن فينا من المشائخ العظام والمريدين والصوفية من لا يحصى عددهم فيجتمعون في المساجد والبيوت للصلوات الشريفة والأذكار الجهرية ولا منع من جهة الروس لذلك إلى الآن حتى لا منع منهم أيضا لمن يذهب إلى بيت الله الحرام وزيارة روضة رسولنا عليه الصلاة والسلام

«...хоть мы дагестанцы и находимся под властью русских, но они не запрещают нам в это время совершать пятикратный намаз, коллективные молитвы в мечети, праздничные молитвы и прочие исламские ритуалы, как чтение азана, икамата, собрания для зикра, изучение исламских наук, обучение в медресе и мечетях. Среди нас есть несчетное количество великих шейхов, мюридов, суфиев, которые собираются в мечетях и домах для совершения молитв и громкого чтения зикра. Русские до сих пор ничего не запрещают из этого, они даже не запрещают отправляться в хадж».

Среди сторонников и противников переселения обсуждался вопрос, что считать свободным исполнением религиозных норм. Например, «ранний» Муртазаали ал-Уради сетовал, что русские запрещают мусульманам судопроизводство на основе шариатских законов по уголовным делам. Из-за подобных запретов, по его мнению, нельзя считать такой регион, дающим возможность открыто исповедовать исламские предписания. Однако Муслим ал-Уради не соглашался с подобным мнением. Он утверждал, что наличие возможности свободного исполнения только пяти столпов ислама (*шахада, намаз, пост, закят, хадж*) в каком-либо регионе, означает наличие свободного исполнения религиозных норм. Что же до судопроизводства по уголовным делам, то:

فليست من وظائف الأحاد بل هي من وظائف الخواص كالإمام ونوابه حتى في دار الإسلام

«...это не является обязанностью каждого мусульманина лично, а обязанность отдельных лиц, как имам и его заместители, даже в мусульманских странах», следовательно, отсутствие возможности вести судопроизводство по уголовным делам по законам шариата не рассматривается как отсутствие возможности исполнения религиозных норм.

Другим доводом Муслим ал-Уради считал, что

صارت البلدان في زماننا كلها مساوية.. فالى أين يجب علينا أن ننتقل بالهجرة في هذا الزمان الذي عمت المعاصي في الخلائق والبلاد حتى في ديار الإسلام التي استولى عليها سلطان الإسلام

«...все страны равны в отсутствии полноценной возможности открытого исповедания религии <...> так куда же нам обязательно переселиться в это время, когда грехи распространились повсеместно даже в землях ислама, в которых правит султан мусульман?!». Чуть дальше автор более определенно намекает, что Османская Империя, на тот момент уже подвергшейся реформам *танзимата*, не является полноценной мусульманской страной, в которую мусульманам предписано переселяться:

ولا أعلم الآن موضعا يتم فيه جميع الحدود الشرعية كقطع يد السارق والقتل قصاصا ونحوهما حتى في ديار الإسلام التي استولى عليه سلطان الإسلام

«Я не знаю сегодня места, где бы полноценно исполнялись все шариатские наказания, как отрезание руки вору, смертная казнь и т.п., даже в исламской стране, которой правит султан мусульман». По мнению автора, раз нет такой полноценной мусульманской страны, значит и нет обязательности мусульманам покидать свои дома.

Подкрепляя свои доводы, Муслим ал-Уради пытается укорить мухаджиров, обвинив их в неискренности и стремлении заполучить земную выгоду от переселения, а не достичь религиозной цели. При этом он весьма положительно оценивает действия российской власти¹⁴. Он пишет:

فتأمل مع هذه النصوص في أحوال أهالي الداغستان الذين يسعون للهجرة ويجتهدون للانتقال من وطنهم الذي هو دار الإسلام، فإن تأملت في أحوال من يريد الهجرة منها وسألتهم عن سبب هجرتهم وترك أوطانهم وتضييع أوقاف آبائهم وزيارة قبور مشائخهم وجدت أكثرهم يعللون الخروج بالهجرة من الأوطان بأن الخراج وتحميلات الكفار وظلمهم كثيرة هنا ولا ترى أحدا منهم يقول إني مهاجر لأجل الله ولمجرد نصرته دين الله ولم أر إلى الآن منهم الظلم إلى على من ظلم نفسه بارتكاب الفواحش من السرقة والقتل والنهب وغيرها. وأما أخذ خراج الأراضي بقدرها فغير مختص بفاتشاه الروس بل هو دأب السلاطين كلهم ولا إمكان بل لا قدرة لتدبير أمور الرعية إلا بأخذ الخراج منهم وصرفها إلى مصالحهم كما لا يخفى على من له عقل وبصيرة

«Поразмысли над этими текстами касательно положения дагестанцев, которые пытаются покинуть свою родину, а она – «земля ислама». Если ты поразмыслишь о положении тех, кто желает переселиться отсюда, расспросишь их о причине переселения, оставления своей родины, утра-

14 В другом своем сочинении «ал-Фаваид ан-нафи'а ли хилль ал-асфия ал-усманийа» («Полезные комментарии для решения вопросов Усмана») Муслим ал-Уради более определенно выражает свое отношение к Царской России: «Все эти тексты прямо указывают нам на дозволенность иметь хорошие отношения с неверными, но в сердцах быть стойкими в вере. Особенно это касается нашего времени, когда неверные захватили нас и угрожают насильем, если мы не подчинимся их требованиям. Также приведенные тексты указывают на дозволенность платить им налоги, подчиняться их повелениям и запретам, если они прямо не противоречат Шариату, и на необязательность переселиться отсюда, только потому что они захватили нас, ведь они дают нам возможность свободно исполнять религиозные личностные обязанности (*ал-фарз ал-'айн*) мусульман. Подумай над этим беспристрастно и не спеши творить произвол. Многие ошиблись в этой теме, так и не придя к своей цели». Ксерокопия автографа сочинения хранится в личной коллекции автора статьи.

ты вакуфного имущества предков и приведения в упадок могил шейхов, то обнаружишь большинство их оправдывающимися, что налоги и поборы неверных здесь высокие, а притеснение с их стороны часто. Ты не встретишь ни одного кто бы заявил: «Я переселяюсь ради Аллаха» или «Я переселяюсь ради помощи религии Аллаха». Я до сих пор не заметил со стороны русских какого-либо притеснения, разве что в отношении тех, кто совершает преступления, как воровство, убийство, грабеж и т.п. Что же касается взимания поземельного налога в определенной мере, то это не является особенностью русского падишаха, а свойство всех правителей. Невозможно управлять народом, не взимая налоги и не тратя средства с них на общественно-полезные дела. Это не является тайным для умных и проницательных».

Далее автор продолжает разбор темы *хиджры*, истолкования понятий *земля ислама* и *земля неверных*, попутно отвечая на доводы сторонников обязательности переселения.

Третья глава книги посвящена разъяснению запретности мусульманам вести с иноверцами дружественные и тесные отношения, кроме ситуации, если есть опасение получения вреда от них. Приведя множество коранических аятов и хадисов пророка Мухаммада на заданную тему, автор утверждает, что мусульманин не может иметь тесные дружественные отношения с иноверцами, т.к. такие отношения могут, по его словам, негативно отразиться на вере мусульманина, ослабить его вероубеждение и подтолкнуть его к совершению запретных действий.

В исламской традиции иноверцы всегда рассматривались, если не в качестве действующих врагов, то как врагов потенциальных. Поэтому мусульманские богословы много внимания уделяли разъяснению норм взаимоотношения с иноверцами. Считается, что отношения с ними должны быть сведены к минимуму и поддерживаться только по необходимости. В мусульманских ортодоксальных научных кругах даже появился отдельный термин – *ал-валя ва ал-барра* («дружба с единоверцами и отречение от иноверцев»). Можно предположить, что жесткое регулирование и контролирование отношений между мусульманами и иноверцами со стороны мусульманских богословов, стало одной из причин сохранения мусульманами своей идентичности и в некоторой степени замкнутости в отдельных регионах.

Автор книги допускает открытое выказывание дружбы и любви к иноверцам, только если в этом есть крайняя необходимость, как например, страх смерти, увечья, потери имущества и т.д. Подобное формальное выказывание любви и дружбы, получило в мусульманской традиции название *такийя*, которое с арабского переводится как осмотрительность, предосторожность и может пониматься как маскировка своих религиозных или политических убеждений из страха смерти и т.д. Некоторые исследователи ошибочно относят данный термин к шиитам. В суннитской традиции этот термин также применяется, хоть и отводится ему гораздо меньшая роль, нежели в шиитской, и касается прежде всего отношений с иноверцами.

Муслим ал-Уради, ссылаясь на известного средневекового экзегета Корана Фахруддина ар-Рази (ум. в 1210 г.), выводит следующие шесть правил касательно *такийи*: 1) *такийя* используется только если мусульманин находится среди неверных и боится за свою жизнь; при этом в мыслях он должен иметь прямо противоположное мнение; 2) даже если мусульманин имеет право на *такийю*, лучше ему будет прямо высказывать свое отношение и излагать правду; 3) *такийя* дозволена не только как выказывание своей дружбы и любви, но и в религиозных вопросах. Например, при угрозе жизни, мусульманин может утверждать, что не является мусульманином; 4) *такийя* дозволена только когда иноверцы сильнее мусульман; 5) *такийя* дозволена не только для сохранения жизни, но и сохранения имущества; 6) использование *такийи* не ограничено временем и может практиковаться пока есть необходимость.

Говоря о Дагестане, в частности, Муслим ал-Уради также позволяет находящимся здесь мусульманам выказывать формальное дружелюбие и любовь к иноверцам. Он ссылается на другого дагестанского богослова, известного противника имама Шамиля Айюба Дженгутайского, и приводит следующую его цитату:

وعبارة المحقق المرحوم أيوب الجنكتي في جوابه لمسألة الفاضل محمد الضغير القدقي عن شمويل قول التحفة المذكورة: «أو لاحاطتهم بنا» أه علينا وعن دخولنا في حكم الاحاطة وعدمه ثم إن المسألة التي في التحفة تشتمل علينا وعليكم ولا شك في دخولنا في حكم الاحاطة لأنهم أحاطوا بنا من كل وجه شوكة كما ترى وليس لنا مخلص من اتباع مأموراتهم وإتمام خدماتهم ولا يمكن منا المقاومة ولا المقاتلة معهم لقلّة عددنا وفقد عددنا وكثرة شوكتهم ووفور تسكيمتهم فإنهم وإن لم يحيطوا بنا بأنفسهم لكن أحاط بنا شوكتهم فإن لم نأتمر بأوامرهم يلحقوا لنا ذررهم بالحبس والأسر والقتل كما هو معلوم لديك، فإذا خفنا على إلحاق الضرر بنا نفسا أو مالا أو أهلا جاز لنا إعادتهم وخدمتهم وبذل مال لهم إن طلبوا منا ولا بأس لنا بمداراتهم باللسان وقلوبنا مطمئنة بالإيمان دفعا لذلك الضرر عنا فراجع الفتح والرملّي وشيخ زاده وغيرها، انتهت

«Нет сомнений, что мы – те, кого окружили неверные. Ведь они насильно окружили нас со всех сторон, как ты можешь заметить. Мы не можем ни перестать выполнять их повеления, ни перестать служить им, не противостоять им, ни сражаться с ними. Потому что нас мало и нет оружия, а сил у них много. Хоть они и не окружили нас физически, но окружили силою. Если мы не будем исполнять их приказы, нас постигнет вред с их стороны, как заточение в тюрьму, пленение и казнь, как тебе известно. Раз мы боимся вреда от них за свою жизнь, имущество, семью, тогда нам дозволяется помогать и служить им, тратить на них свое имущество, если они потребуют. Нет ничего плохого в том, чтобы словесно обходиться с ними дружелюбно, а сердца наши будут стойки в вере для защиты от их вреда».

Далее автор приводит различные высказывания *факихов* касательно правил взаимоотношения с иноверцами.

Четвертая глава книги затрагивает известное правило в исламе – *ал-амр би ал-ма'руф ва ан-нахью* 'ан ал-мункар – «повеление исполнять одобряемое

шариатом и запрещение порицаемых действий». В данной главе автор книги приводит многочисленные высказывания *факихов*, разъясняющих нормы применения этого правила, условия, при которых оно является обязательным, желательным или запретным к применению.

В конце главы автор приводит свое стихотворение, сочиненное, по его словам, еще в молодости. Стихотворение посвящено порокам общества, погрязшего в грехах, а также богословам, которые «ленятся призывать людей к исламу». Среди прочего в этих стихах есть следующие слова:

*О, ученые Дагестана, наставляйте людей
К чистой правильной религии,
Не скрытно, а открыто.
Ведь вы пастухи людей.
Господь Ада спросит с вас
На что вы потратили свои прекрасные знания.*

Данное стихотворение открывает нам Муслима ал-Уради как поэта, что указывает на его талант и хорошие познания в арабском стихосложении.

В заключении автор разъясняет факторы, которые, согласно шариату, могут вывести мусульманина из лона ислама и причислить его к неверным. Данная тема традиционно освещается либо в книгах *фикха*, либо в книгах по вероубеждению. При этом подавляющее большинство книг по вероубеждению дагестанских авторов, в том числе и данная книга, ссылаются на один и тот же источник – книгу египетского ученого Ибн Хаджара ал-Хайтами «аз-Заваджир ‘ан иктираф ал-кабаир» («Предостережение от совершения больших грехов»). Поэтому в данной части сочинения Муслима ал-Уради нет ничего оригинального. Разве что в одном месте он затрагивает тему судейства не по законам шариата, где со ссылками на таких ученых как Салих ал-Йамани, Мухаммад ал-Кудуки, имам Газимухаммад и Муртазаали ал-Уради выражает довольно жесткую позицию в отношении тех, кто прибегает к светским судам.

Книга завершается традиционной концовкой с указанием времени, места и обстоятельств написания книги. Следует отметить, что почти во всех своих сочинениях Муслим ал-Уради не только указывает где и когда было написано сочинение, но и при каких обстоятельствах, например, в данном случае «*в медресе соборной мечети селения Катех, когда я работал там преподавателем*». Данная особенность позволяет нам подробнее узнать в каких селениях, когда и кем работал Муслим ал-Уради.

Таким образом, сочинение Муслима ал-Уради посвящено крайне актуальным для дагестанцев вопросам общественно-политической и религиозной жизни. Оно довольно информативно освещает религиозно-правовой аспект на такое явление как мухаджирство. Из изученного материала устанавливается еще один немаловажный фактор распространения мухаджирства в разных

частях Российской Империи. Речь идет о религиозно-правовом аспекте на мухаджирство. Мы можем утверждать, что разные мнения богословско-правовых школ в мусульманском праве по-разному повлияли на данное явление в тех или иных частях Российской Империи.

Данное сочинение также указывает нам о взгляде мусульманского духовенства на роль и место мусульманина в немусульманской стране. Произведение Муслима ал-Уради может считаться не только источником для исследований некоторых исторических событий и явлений, но и источником для изучения характера поведения ортодоксальных мусульман в современных светских обществах.

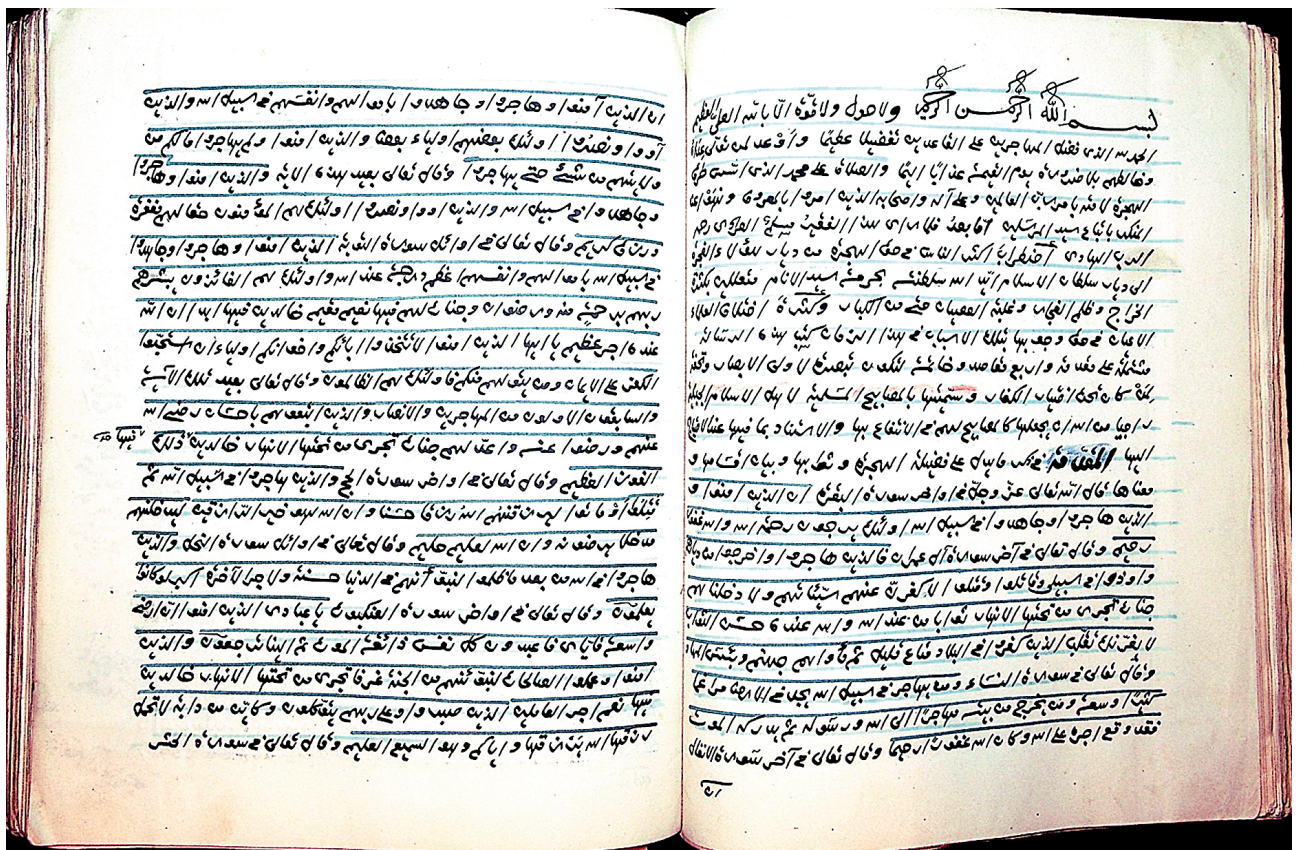

Рис.1. Фотокопия рукописи, переписанная Мухаммадом сыном Кантилиава

Fig. 1. Photocopy of a manuscript, rewritten by Muhammad son of Kantilav

۱۲۳

خلاصه و بعد و او را در ضعیفه و فی جامع الفقه لیت روی الطحاوی و عن ابی حنیفه
 و احسان بن علی و غیره که آنرا از پیغمبر الی جمله من الایمان الی جمیع ما اذخلفتم فیها ما یؤتی
 بان و نه تا حکم بها اذ الاسلام ثابت و دل بالکتاب مع ان الاسلام یفعل و یسبغ
 للعالم اذ ان شیء ایه بعد ان لا یباید و نه کفر بل ان اسلام غیر ان یفعلنی بعضه
 اسلام الکتاب اشهر و نقله عن الایمان الکتاب فی الکتاب عن ان الله العظیم
 و فی او الله و شانهنا البتة المکتب للذکر فی بالذکر من عند غیره الذکر الاخر
 ما یسبغ من جمیع شایعها و کما ان ابن جریج الکاتب من الذکر ان من مدعی اجتهاد
 ای اجتهاد به نقله ان من جمیع و احد من یهدی کف و الایمان الی جمیع ان لان من
 المذنبه لیس بعد ان یسبغ اشهر و کتب علیه من ابن کثیر علی ما کان لان فاینها
 و یهدی لیس بعد ان لا یفعل اللانم و ان کان به و قد صحف ای عدم
 کف الکتابه باجمیع مع ان بعضهم قال ان الذکر اجتهاد به من و م یهدی کف
 لیس بعد ان یسبغ عنان ان لا یسبغ به یجوز من و من فان الیهدی من یسبغ و یهدی
 علیه حکم الایمان به اشهر و عبارته حکایت الکاتب علی شریح جمیع اجتهاد
 من ای اخره و الصحیح ان لان المذنبه لیس بعد ان یسبغ لیس بعد ان یسبغ
 لان الذکر عن الایمان اشهر فراجعها من الاستغاثی و من متنبه الیهدی
 خ الکتابه من جمیع اما بعد اخر ما اردنا کتابه فی هذا المرام بمقتضی الله العظیم
 العلم و قاله من الاخذ ان یهدی الیهدی بالکتابه فان الایمان من
 ارتبته و الخ لایم لیس علی الایمان الیهدی بالکتابه لیس بعد ان یسبغ
 غیره لیس بعد و انهم اختلفوا فی کثیر و کان علی ما یهدی و الیهدی من اجتهاد
 بعد ان یسبغ انما من عشرين سنة الف و ثمان مائة و اثنی و عشرين سنة جامع
 کما یسبغ من کتبها و انما من کتبها و انما من کتبها و انما من کتبها و انما من کتبها
 اخر اجتهاد یسبغ من الایمان و اجتهاد یسبغ من الایمان و اجتهاد یسبغ من الایمان
 من یهدی الایمان لیس بالکتابه و الایمان یسبغ من الایمان لیس بالکتابه

69

Рис. 2. Фотокопия рукописи, переписанная Хаджи Мухаммадом ал-Тляхи

Fig. 2. Photocopy of a manuscript, rewritten by Haji Muhammad al-Tlyahi

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бобровников В.О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2010. № 2. С. 67–78.
2. Назир ад-Дургели. Услада умов в биографиях дагестанских ученых: дагестанские ученые X–XX вв. и их сочинения / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р. Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. – М.: Изд. дом Марджани, 2012.
3. Ибрагим Т.К., Сагадеев А.В. Калам // Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С. М. Прозоров. – М.: Наука, ГРВЛ, 1991. – 315 с.
4. Смирнов А.В. История арабо-мусульманской философии: Учебник и Антология / под редакцией А.В. Смирнова. – М.: Академический проект; ООО «Садра», 2020. 623 с.
5. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Муртазаали из Урада – верховный кадий имамата. – Махачкала: Эпоха, ИИАЭ ДНЦ РАН, 2018. 184 с.
6. Шуайб б. Идрис ал-Багини. Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа ва садат машайих ал-халидийа ал-махмудийа (на араб. яз.). – Дамаск, 2011. 640 с.
7. Нух афанди ал-Мартуки ал-Чаркаси. Нур ал-макабис фи таварих ал-чаракис. – Казань: Лито Типография Т. Д. «Бр. Каримовы». 1912 г. – 208 с.

REFERENCES

1. Bobrovnikov VO. Muhajirism in the “demographic wars” of Russia and Turkey [*Mukhadzhirstvo v «demograficheskikh voynakh» Rossii i Turtsii*] // The Orient. Afro-Asian Societies: Past and Present [*Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*]. 2010; (2): 67-78.
2. Nadhir al-Durgili. Delight of minds though the biographies of the Islamic scholars of Dagestan (*Nuzhat al-adhhan fi tarajim 'ulama Daghistan*): Dagestani Scholars of the 10th-20th centuries and their works [*Uslada umov v biografiiyakh dagestanskikh uchenykh: dagestanskiye uchenyye X–XX vv. i ikh sochineniya*]. Russian translation from the Arabic, commentaries, facsimile of the manuscript, indices and bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov; Moscow: Mardjani Publishing House, 2012.
3. Ibragim TK., Sagadeev AV. Kalam [*Kalam*] // Islam: an encyclopedic dictionary [*Islam: enziklopedicheskij slovar*]. Prozorov S.M., editor; Moscow: Nauka, 2004: 9-15.
4. Smirnov AV. History of Arab-Muslim Philosophy: Textbook and Anthology [*Istoriy arabo-musulmanskoj filosofii: Uchebnik i Antilogiy*]. Edited by A.V. Smirnova. Moscow: Sadra, 2020.
5. Khapizov ShM., Shekhmagomedov MG. Murtazaali from Urada as the supreme qadi of the Imamate [*Murtazaali iz Urada – verkhovnyy kadiy imamata*]. Makhachkala: Epokha, 2018.
6. Shuaib b. Idris al-Baqini. Tabakat al-khawajakan an-naqshabandiya va sadat al-mashaikh al-khalidiya al-makhmudiya. – Damascus, 2011. (In Arabic).
7. Nuh afandi al-Martuki al-Charkasi. Nur al-makabis fi tawarikh al-charakis. Kazan: Lito Printing House, 1912. (In Arabic).

Статья поступила в редакцию 11.09.2020 г.